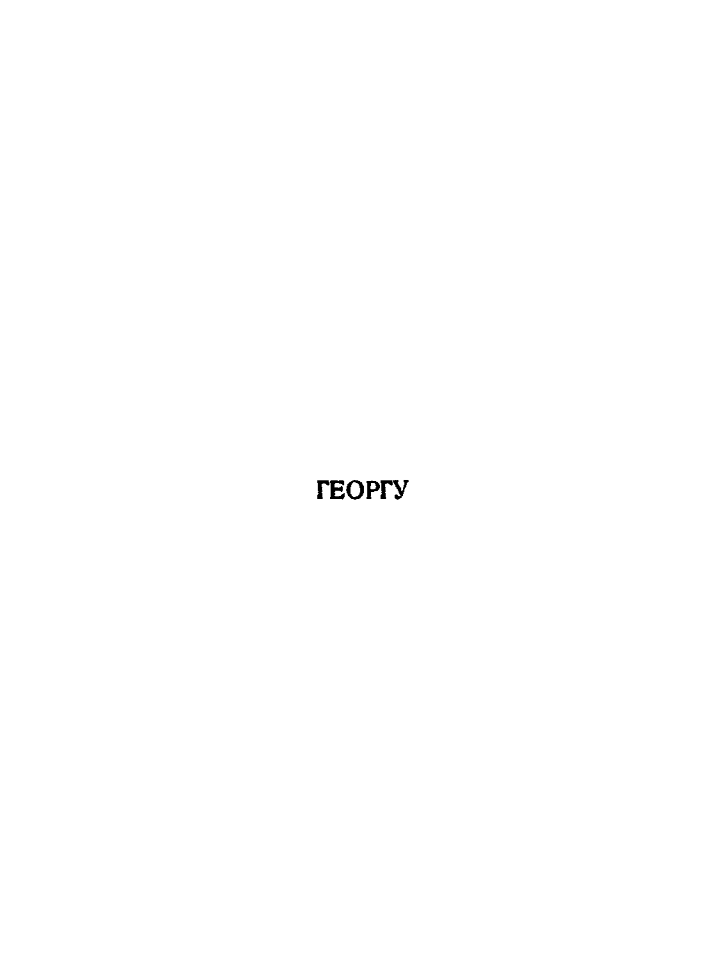
ЕЛЕНА ФЕРРАРИ

ЭРИФИЛЛИ

ЕЛЕНА ФЕРРАРИ

Э Р И Ф И Л Л И

ОГОНЬКИ
Берлин 1923

ГЕОРГУ

Рудольф Моссе
Берлин
1923

ЭРИФИЛЛИ

Эрифилли.

Тихо на море. Тихо везде —
Вдали и вблизи.
Эрифилли неслышно по темной воде
Скользит.
Звезды в воде — янтари
Лиловой морскою ночью.
На мачте нашей горит
Алый цветочек.
На мачте нашей горит
Кровавый флажок, —
В зеркале моря свои фонари
Зажег.
Расцветает, как в утреннем небе,
Золотой солнечный шар.
Выплывает, как алый лебедь, —
Красный петух — пожар. —
Звезды! Свой блеск тусклый, бедный,
Спрячьте.
У нас огнем горит победа
На мачте! . . .

А. Б.

Золото кажется белым
На темном загаре рук.
Я не знаю, что с Вами сделаю,
Но сама — наверно, сгорю.

Я уже перепутала мысли
С душным, горячим песком,
От яблок неспелых и кислых
На зубах и словах оскомина.

Безпокойно морское лето.
Я одна. Я сама так хотела.
Обеднелые грустны браслеты
На коричневом золоте тела.

Море в отсвѐтах лиловых
Устало дышать.
Губы, давно не целованные,
Ждут и дрожат.

Ветер слегка свежеет,
Тревожен покой . . .
Кто в выгибе теплой шеи
Приютится щекой?

Пахнет морем и зноем,
Ноги стройны и бодры.
Режет глаз белизной
Полотенце на бедрах.

Поет и на море глядит,
Смеясь, окликает волну.
К загорелой этой груди
Почему мне нельзя прильнуть?

(Памяти моторов
„Дозор“ и „Евгений“)

Море — битва, мачта — знамя.
Вой, реви, рычи норд-ост. —
Не задуть тебе над нами
В черном небе белых звезд.

Море судно наше гложет,
Как собака гложет кость.
Море нам готовит ложе,
Колыбельную — норд-ост.

Смотрит сверху бог матросов —
Через бурю и норд-ост
В море нам он перебросит
Путь на небо — звездный мост!

Мне звезды на небе — глаза твои.
На палубе ветрено, холодно.
Этим ветром жизнь моя надвое
Расколота.

Качается мачта соломинкой,
Плотно заперты двери губ.
В этот час в твоем белом домике
Подумай обо мне на берегу.

Белый гипс на черном дереве,
Мертвы глазные впадины,
Узлом галстука серого
Завернулось распятие.

Не могу я молиться Богу:
Говорю человечье имя.
Подумай обо мне немного.
Позови меня.

Свечи к образам.

Я люблю в вечернем храме
Ставить свечи к образам
И к Тебе в широкой раме
Поднимать мои глаза.

Позабыть людские лица,
И дышать легко, легко,
И без слов душой молиться
В тишине Твоих икон.

Льется в сумеречном свете
Голубая благодать.
Ты душе моей ответишь,
Не сказав ни „нет“ ни „да“.

Робко опустив ресницы,
Я уйду в мерцаньи свеч
И всю ночь мне будет сниться
Глаз Твоих немая речь.

Молитва.

За запах полей унавоженных,
За эту прозрачность небес,
За мир в моем сердце тревожном —
Господи, Слава Тебе.

Что завтра несет мне с собою —
Расцвету ли заново я,
Или сердце исполнится болью —
Твоя да будет воля,
Да будет воля Твоя!

Эшелоны.

Памяти Бакунинского отряда.

Под горами и над уклонами,
Врезаясь в зеленую грудь,
Вереницей ползут эшелоны,
Потрясая железный путь. —

И грустят удивленные степи,
Не поняв: зачем и куда?
Зачем гудками нелепыми
Растревожили тишь поезда,

Зачем путями воздушными
Новые песни солдат
Дружным роем вслед за теплушками,
Как чайки за судном, летят?

Песен слыхали степи не мало,
Но еще не слыхали такой:
— С Интернационалом
Воспрянет род людской . . .

Видно время такое приспело
И для Тебя, моя родина,
Что черноземное тело
Всколыхнули мечты о свободе.

. . . Рельсы дрогнули: Кто? Откуда
Стонут степи: зачем и куда?
Под откосами трупов груды
И разбитые поезда . . .

И опять в зеленое лоно,
В неведомый страшный путь,
Все ползут и ползут эшелоны,
Как железные змеи ползут.

Полночь.

Ивану Пуни

Свет электричества камень бѣлит,
Блеском кривым смеются панели.
Где то в углах, в закоулках ночи
Прячет гримасы свои одиночество.

В глубь троттуаров уходит фигура,
Усталую тень волоча за собой.
Может быть бросит случайно окурок
Ей городская, скупая любовь.

Кафе.

И. П.

В черном, кривом переулке
Визжит и зовет фокс-трот.
Проходит шумно и гулко
Веселый, ночной народ.

Не плачь. Слезам не поверят!
Пей и пляши фокс-трот.
И шлепают пьяные двери
Кафе, как неряшливый рот.

Полдень.

Сергею Рафаловичу

Бежали улицы зигзагами куда-то,
Метался испуганный трамвай,
А над домами, в облаках лохматых,
Кривлялась рыжая большая голова.

Беги в толпе, зови — и разорвись
от крика —
К тебе не скосят мозаичных глаз
Соборы — темные, закопченные
лики, —
Не вздрогнет в панцыре
асфальтовом земля,

И трубы водосточные от крыши
Не склонятся с участием к тебе,
И даже брат твой не услышит,
С работы торопясь на свой обед.

На углу.

Ксении Богуславской

Кружево на платьице,
Юбка коротка.
Худенькая прячется
В рукаве рука.

Беспокойна улица,
Потолком туман.
Наверху сутулятся
Черные дома.

Ждать здесь каждым вечером,
Завтра и всегда.
Что дождаться нечего
Знать — и все же ждать.

Грустно ходят лошади,
Желты фонари.
Бьют часы на площади:
Раз — два — три.

Часы вокзальные.

Глядят на мир двенадцатью глазами,
Устали время стрелкой отмечать
На безконечном, тягостном
экзамене.
А рядом в фонаре горит свеча,

Вагоны мимо катятся ворчливо,
Поют рожки все те же две-три
ноты,
И люди неустанно, суетливо
Несут свои пакеты и заботы.

Часы молчат. Они не могут плакать
От одиночества. Но ждут они.
Спокойно-бледным ликом
циферблата
Встречают дальних поездов огни.

Вокзал.

В сером, каменном вокзале
Грязный стол был пивом залит.
Взгляд ли твой, твоя слеза ли
О печали мне сказали?

Я одна в пустом вагоне,
Ты — за рамою оконной,
И в последнюю минуту
Слов не надо почему-то.

Куда мне девать глаза
От Ваших внимательно-строгих?
Какими словами сказать
О радостной новой тревоге?

Я привыкла прямо смотреть,
Быть свободно-собой всегда,
Но в неясном и смутном трепете
Вам я глаз не могу отдать.

Отчего я Вам письма пишу,
Хоть и знаю, что их не отправлю,
И на Ваши редкие шутки
Мой смех слезами отравлен?

Отчего в непонятном смятеньи,
В пустоте вечеров одиноких,
Я слежу за большою тенью
На экране Ваших окон?

Тенью серой, тенью тихой
В кресле Вашем посижу,
И часами будет тикать
Опустелых комнат жуть.

Мне в стекло балконной двери
Клювом зяблик постучит,
И заглянут неуверенные
И ненужные лучи.

Стены, сиротливо-строго,
Будут мне молчать о Вас,
И в поникшем сердце дрогнут
Запоздалые слова.

Вы уедете и сразу станет пусто;
Сердце бедное заледенеет.
Пусть и снег лежит и ветер пусть —
Мне уж быть не может холоднее.

Не изменится ничто вокруг,
Все останется по-прежнему,
Только я — вступая в новый круг, —
Улыбаться буду реже.

Захлопнутым мышенком сердце
билось.
Не смей жалеть меня, не смей
ласкать.
Луна неловко и несмело торопилась
Лицо свое укрыть за облака.

Любить не надо. Мне любить не
надо.
И не тебе мою рассеять боль.
И ночь и этот сад совсем не рады,
Что видят нас с тобой.

От зеркал и стекол зайчики
Снова пляшут на обоях.
Снова теплый луч весенний
Примирит меня с тобою.

Я люблю мой путь суровый,
Одиночество и волю, —
Но весенним ясным вечером
Я придти тебе позволю.

Свищет и дразнит ветер,
В стекла лупит дождь,
Что творится на свете
Не поймешь.
И стону и вою радо
Кувырком, скачком, непопадом
Расплясалось белое безумие —
Бедная моя голова! —
Мысли то падают градом,
То гуськом идут, то рядом,
И нелепо, как в пасхе изюмины,
Торчат на бумаге слова.
Не стихи, а черт знает что!
Да и поэзия нужна-ль еще?
Ну и пусть колеса-турусы.
Но зачем из рамки так понимающе
Глаза спокойно грустны?
На меня и за мной глядят зачем,
Строго-внимательно,
Как внезапные звезды на синем плаще
Богоматери?

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

Эрифилли 9
Золото кажется белым 10
Море в отсветах лиловых 11
Пахнет морем 12
Море-битва 13
Мне звезды 14
Свечи к образам 15
Молитва 16
Эшелоны 17
Полночь 19
Кафе 20
Полдень 21
На углу 22
Часы вокзальные 23
Вокзал 24
Куда мне девать глаза 25
Тенью серой 26
Вы уедете 27
Захлопнутым мышенком 28
От зеркал 29
Свищет и дразнит ветер 30
Оглавление 31

СКЛАД ИЗДАНИЯ
BÜCHERZENTRALE
„OBRASOWANIE“
BERLIN W 50,
NÜRNBERGER STRASSE 65